

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

*Л.Я. КОСАЛС,
Т.А. БАЖЕНОВА*

Результативность системы уголовного правосудия стран бывшего СССР и Восточной Европы: сравнительный анализ*

В статье представлены результаты межстранового сравнительного анализа результативности работы полиции, судов и тюрем стран бывшего СССР и Восточной Европы в контексте проблемы влияния права на социально-экономическое развитие. На основе ряда международных баз данных построена типология 57 стран, из которых 18 – страны бывшего СССР и Восточной Европы. Типология включает в себя четыре типа стран с существенно различающимися уровнями результативности органов уголовного правосудия, преступности и степенью социально-экономического развития.

Ключевые слова: право, социально-экономическое развитие, результативность системы уголовного правосудия, полиция, судебная система, система исполнения наказаний.

DOI: 10.31857/S086904990005816-9

Право и социально-экономическое развитие общества

Проблематика влияния права на социально-экономическое развитие имеет очень давнюю историю, так как люди уже в глубокой древности поняли, что без стабильной системы норм и правил, законов, развитие общества невозможно. В рамках одной статьи нельзя даже перечислить основные подходы к анализу этой междисциплинарной проблемы. Назовем лишь несколько значимых, с нашей точки зрения, работ и подходов, которые помогают понять современное состояние ее изучения.

А. Смит в своих письмах о юриспруденции (1762–1763) утверждал, что несовершенство законов и неопределенность в их применении препятствуют коммерции и замедляют

* В статье использованы результаты проекта “Неформальная экономическая деятельность полиции в трансформирующихся странах: роль полицейской культуры в реформировании полиции”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в 2018 г.

К о с а л с Леонид Янович – доктор экономических наук, ординарный профессор факультета социальных наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”; адъюнкт-профессор Центра криминологии и социально-правовых исследований Университета Торонто. Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; 14 Queen Park West, Toronto, ON, M5S 3K9, Canada. E-mail: lkosals@hse.ru

Б а ж е н о в а Таисия Алексеевна – аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, стажер-исследователь Центра анализа доходов и уровня жизни Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: tbazhenova@hse.ru

экономическое развитие в целом [Smith 1978]. Он рассматривал задачу обеспечения правосудия как важнейшую для государства. Главная же цель правосудия – защита индивида от физического насилия. Кроме того, законы, по Смиту, – это средство, с помощью которого государство должно способствовать развитию общества. Соответственно, правила, регулирующие торговлю и производство, должны разрабатываться так, чтобы поощрять, а не затруднять развитие экономики.

М. Вебер, который много занимался социологическим анализом права, разработал представление о “рационализации права”, которое движется от “правовой иррациональности”, выражаемой в различных табу, закланиях и прочих магических практиках, к логически систематизированной совокупности абстрактных положений, выполнение которых гарантируется аппаратом принуждения, постепенно монополизированным государством [Вебер 2018]. В свою очередь, это рационализирующееся право дает возможность развиваться “духу капитализма” и обеспечивает рост эффективности производства, а также других сфер деятельности.

К. Маркс рассматривал государство как концентрированное и организованное общественное насилие одного класса над другим с целью эксплуатации [Маркс 2001] и, соответственно, право в его понимании не оказывало никакого самостоятельного влияния на общественное развитие. Наоборот, по Марксу, право не только не играет самостоятельной роли в социально-экономическом развитии, но, будучи одной из форм идеологии, напрямую вытекает из материальных условий жизни людей. Или, как сказано в известной работе “Немецкая идеология”, написанной им совместно с Ф. Энгельсом, “право точно так же не имеет своей собственной истории, как и религия” [Маркс, Энгельс 1955, с. 64].

Если последовательно следовать марксистской парадигме, то в ее рамках постановка проблемы влияния права на развитие общества не имеет смысла. Однако столь радикальная позиция представляет крайнюю точку зрения, которая не разделялась и не разделяется большинством исследователей, включая современных неомарксистов.

Активно проблематика влияния права на экономику стала развиваться в годы после Второй мировой войны, когда страны третьего мира освобождались от колониальной зависимости, а развитые государства разрабатывали программы помощи им, в том числе пытаясь трансплантировать свои правовые системы в практику развивающихся стран, чтобы способствовать их социально-экономическому развитию. Исследования, которые активно начались в это время, получили название первой волны движения “*law and development*” [Trubek 2006]. В рамках теории модернизации, которая во многом составляла теоретическую основу этого направления, предполагалось, что адаптация “современного права” создаст нормативно-правовые предпосылки для быстрого развития бывших колоний. Как известно, результаты этого оказались весьма далеки от ожидаемых, так как не было требуемых культурных, политических и социально-экономических условий для трансплантации правовых институтов развитых государств в развивающиеся.

В конце 1980-х и в 1990-е гг. после распада социалистической системы возникла вторая волна “*law and development*” [Trubek, Santos 2006]. Она сопровождалась проведением либеральных экономических реформ в бывших социалистических и развивающихся странах Азии и Латинской Америки, а также проведением соответствующих правовых преобразований. Эта волна существенно изменила правовые системы во многих странах мира, хотя, безусловно, породила массу социально-экономических и политических проблем.

Как считает ряд исследователей, с конца 1990-х гг. началась третья волна “*law and development*” [Trubek, Santos 2006], продолжающаяся по сей день. Она связана с осмыслением опыта преобразований 1990-х гг. (а также предыдущего периода) прежде всего за счет более широкого включения социальных, культурных и исторических факторов, повлиявших как на успех, так и на неудачи преобразований в бывших социалистических и развивающихся странах. В частности, особый интерес вызывает опыт восточноазиатских стран (Кореи, Тайваня, Сингапура и Китая), которые смогли успешно использовать государство для осуществления своих преобразований. Ограниченный успех предыдущего периода модификаций

привел к переосмыслению роли принципа верховенства права (*Rule of Law*), реализация которого все большим числом исследователей рассматривается не как средство для достижения социально-экономического развития, а как важнейшая самостоятельная цель. Также некоторые исследователи ставят более объемные задачи разработки общей теории “*law and development*”, которая бы интегрировала широкий набор правовых, экономических, политических и социальных факторов и позволила описать механизм воздействия права на развитие общества, причем как в развитых, так и в развивающихся странах [Yong-Shik 2017].

Однако в настоящее время по-прежнему остается неясным, как взаимосвязаны сфера права и социально-экономическое развитие на эмпирическом уровне, так как нет достаточно масштабных исследований, опирающихся на конкретные межстрановые данные. Дело в том, что правовые системы различаются на уровне стран и соответствующие изыскания также следует проводить на межстрановом уровне, чтобы выявить это влияние.

В рамках одного исследования решение такой задачи не представляется возможным из-за высокой сложности и разнородности правовых систем. Мы ограничимся уголовным правосудием как одной из важнейших частей правовой системы с акцентом на анализ ситуации в трансформирующихся странах бывшего СССР и Восточной Европы. Это вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, особой важностью этой подсистемы, так как она фиксирует самые серьезные отклонения от нормативного правового порядка, который складывается в различных государствах. Соответственно, нарушения ее функционирования чревато серьезными негативными последствиями для всех сфер общества. Во-вторых, в этих странах правовые системы тоже относительно быстро менялись и продолжают изменяться. Это позволяет увидеть механизм влияния права на развитие общества лучше, чем на примере развитых стран, где стабильные правовые системы изменяются намного медленнее.

Более того, в рамках данной статьи мы будем анализировать не собственно влияние системы уголовного правосудия на развитие общества, а поставим перед собой более скромную задачу, являющуюся частью этой проблемы, – сфокусируемся на изучении результатов работы системы уголовного правосудия в широком смысле, с учетом социально-экономического контекста, характерного для разных стран. Решение этой задачи далее может дать возможность оценить влияние этой системы на развитие общества, что уже лежит за пределами непосредственно данной статьи.

Трудности изучения результатов работы правоохранительной системы

Система уголовного правосудия изучается прежде всего представителями юридических наук. Ее исследования направлены в основном на то, в какой мере данная система обеспечивает реализацию принципов, заложенных в уголовном праве, причины отклонения от этих принципов и пути исправления указанных отклонений. В отличие от правовой науки, в фокусе социологических исследований системы уголовного правосудия находятся явления на стыке уголовного закона и общества: отношение различных социальных групп к закону, причины его соблюдения или нарушения (то есть правовая культура), поведение в регулируемой уголовным правом сфере (правовое поведение), а также его социально-экономические и политические детерминанты.

В мире сложились системы уголовного правосудия, различающиеся множеством параметров: лежащими в их основе особенностями уголовного законодательства, характером механизмов правоприменения, жесткостью наказаний, организацией полиции, механизмами управления тюремной системой, масштабами преступности, численностью “тюремного населения”, долями оправдательных приговоров и т.п. Более того, каждая страна имеет специфические черты. Например, исследование отношений заключенных и тюремного персонала в Британии и Нидерландах показало, что в Нидерландах сложившиеся отношения менее формальны и сотрудники склонны заметно охотнее помогать заключенным, чем в Британии, где отношения более отстраненные и жесткие [Dirkzwager, Kruttschnitt 2012]. Соответственно, различаются и результаты работы систем

уголовного правосудия: в одних странах они лучше – выделенные обществом ресурсы используются эффективнее, при этом население более удовлетворено работой судей, полиции и тюремной системы, в других – заметно хуже.

В то же время проведенный в рамках данной работы анализ литературы показал, что в настоящее время не выработан общепринятый подход к изучению результатов работы системы уголовного правосудия на уровне страны. Отсутствует и проработанная система обобщающих показателей, которая позволяла бы провести сравнительный анализ и обоснованно утверждать, какая из систем результативнее. Именно на восполнение этого дефицита и направлена данная работа.

Понимание факторов, за счет которых в одних странах достигаются результаты лучше, чем в других, может дать возможность более “прицельно” реформировать систему уголовного правосудия с учетом международного опыта. Однако это понимание недостижимо в рамках лишь правовых категорий, так как зачастую в близких по формально-правовым характеристикам системах уголовного правосудия реальные результаты работы заметно различаются. И наоборот, страны, весьма далекие друг от друга по характеристикам систем уголовного правосудия могут почти не отличаться по количественным показателям их результативности. Например, ближайшие соседи по количеству заключенных на 100 тыс. населения для США – это Сальвадор и Туркменистан, а для России – Руанда и Гуам (США) [Aromaa, Heiskanen 2008].

Получается, что прямое сравнение количественных показателей, которыми обычно оценивают работы судов, полиции и других составляющих системы уголовного правосудия (число заключенных на 100 тыс. населения, уровень преступности и т.п.), не позволяет выявить различия в результативности работы системы уголовного правосудия в разных странах. Выход из этого положения мы нашли, используя подход, который активно развивается последние два десятилетия среди специалистов, изучающих право и общество (*Law and society*), который носит название “право в контексте” (*Law in context*) (см., например, [Twining 1997; Selznick 2003])¹.

Мы исходили из принципа, что одни и те же показатели работы системы уголовного правосудия, но в разном социально-экономическом контексте, фиксируют различные ее результаты. И поэтому, например, хотя показатели России и Руанды по количеству заключенных на 100 тыс. населения близки, так же как показатели США и Туркменистана, эти четыре страны демонстрируют разные результаты работы системы исполнения наказаний в силу существенных различий социального-экономического контекста, в который эти системы погружены. Методически учет и изучение этих различий были реализованы с помощью кластерного анализа с включением широкого круга социально-экономических показателей, о чем речь пойдет ниже.

Теоретические подходы к анализу результативности органов уголовного правосудия

Анализ литературы показывает дефицит обобщающих исследований работы системы уголовного правосудия на конкретных эмпирических данных. С определенной долей условности к числу таких исследований можно отнести труды Европейского института по предупреждению преступности и борьбе с ней, ассоциированного с ООН, посвященные целесообразности, возможностям и ограничениям межстранового анализа систем уголовного правосудия. В частности, отметим работы [Gruszczynska, Marshall 2008; Smit 2008; Smit, Harrendorf 2010], обосновывающие основные методы работы с динамическими рядами в статистике системы уголовного правосудия, в том числе подходы к кластеризации с помощью категориального метода главных компонент и анализу данных с пропущенными значениями. Также важен учет не только методологических, но и политических аспектов изучения криминологией количественного аспекта комплексных явлений, например виктимизации (см. [Lauritsen 2010]).

¹ Этому направлению также посвящен журнал International Journal of Law in Context, который издается уже почти полтора десятка лет.

Наряду с этим некоторые работы затрагивают вопрос обоснованности межнационального подхода при изучении системы уголовного правосудия, в которых говорится о необходимости сопоставления национальных количественных данных уголовной статистики нескольких государств для повышения эффективности реформ правовой системы страны [Tonry 2015]. А в исследовании [Nelken 2010] подчеркивается, что именно межнациональный анализ позволяет оградить органы законодательной власти от ошибок, совершенных в других странах, и найти новые решения проблем, связанных с коррумпированностью органов уголовного правосудия. Помимо этого, в [Dijk 2008] через построение интегральных показателей Police Performance Index и Index of Lawfulness оценена эффективность работы полиции, а также уровень правомерности действий органов уголовного правосудия. Стоит отметить и наличие исследований, затрагивающих территориальный аспект криминологических явлений не на национальном, а на региональном уровне. Подобное приближение позволяет, например, использовать байесовские пространственно-временные модели анализа динамических данных о преступности в отдельно взятых муниципалитетах [Law, Quick, Chan 2014], а распределения Бенфорда – на уровне штатов и даже улиц [Hickman, Rice 2010]. При этом отмечается важность анализа расхождений национального и регионального тренда уровня преступности с использованием панельных данных [McDowall, Loftin 2009].

Представляют несомненный интерес работы, выполненные на эмпирических данных и посвященные какой-либо отдельной части системы уголовного правосудия. К таковым относится, например, исследование [Alford 2000], родившееся как ответ на фундаментальный труд М. Фуко “Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы”, где критикуется труд Фуко за представление власти центром общественной жизни, а тюрьмы – децентрализованной сетью, позволяющей государству осуществлять “иерархическое наблюдение” и дисциплинарный контроль [Фуко 1999]. На примере работы американских тюрем с повышенным уровнем безопасности в этом исследовании констатируется отсутствие жесткого дисциплинарного воздействия в тюрьмах, о котором писал Фуко, и определяется число заключенных как единственный стабильно важный показатель для контроля тюремной системы.

Говоря о зарубежных работах важно отметить одну особенность многих из них. Обычно в исследованиях, посвященных анализу количественных данных результативности полиции, судов и тюрем по странам, не учитывается их взаимосвязь с показателями, характеризующими другие сферы жизни общества.

Среди российских работ отдельно стоит отметить исследование Института проблем правоприменения, в котором анализируется результативность органов полиции с точки зрения объемов финансирования – доли полицейских расходов в ВВП РФ [Волков, Григорьев, Дмитриева, Моисеева, Четверикова 2012]. В нем также проводится межстрановой анализ, в который помимо некоторых стран СНГ включены все европейские страны, Бразилия, Нигерия и Южная Африка. Рассчитанные в этом труде индексы контроля преступности и использования насилия для разрешения конфликтных ситуаций позволили оценить результативность работы российской полиции как низкую, в связи с чем предложено уменьшить ее численный состав.

Социальный контекст в целом упоминается отдельными криминологами как неотъемлемый компонент анализа связанных с преступностью феноменов. Например, в [Chamlin, Myer 2009] описана связь между уровнем преступности и числом арестов.

Кроме того, при анализе деятельности органов уголовного правосудия стоит упомянуть явление, при котором повышение качества работы полиции и снижение уровня преступности не меняет отношение общества, описываемого с помощью понятия *procedural justice*, – способ обращения правоохранительной системы с гражданами. В нескольких исследованиях подтверждается сильная взаимосвязь данного явления и реакции людей на полицию [Lind, Tyler 1988; Tyler 2003; Tyler, Lind 2001; Sunshine, Tyler 2003]. Если действия полиции считаются справедливыми, то они рассматриваются населением как легитимные [Murphy, Hinds, Fleming 2008; Reisig, Bratton, Gertz 2007]. Отмечается и то, что легитимность полиции крайне важна для населения страны и напрямую зависит от *procedural justice* в ее деятельности, поскольку сотрудники могут действовать в рамках закона, но не легитимироваться

обществом, о чем была специальная публикация в 2010 г. в *Cambridge Review Committee* (http://www.cambridgema.gov/CityOfCambridge_Content/documents/Cambridge%20Review_FINAL.pdf).

Также исследователями отмечается необходимость анализа данных о работе системы уголовного правосудия с наиболее бедными слоями населения, недостаток информации о которых снижает эффективность государственной уголовной политики в отношении наиболее уязвимых групп граждан [Hashimoto 2011; Meloni 2014]. Схожие выводы сделаны в отношении сообществ мигрантов [Miles, Cox 2014]. Некоторые аспекты финансирования системы уголовного правосудия, в частности дифференциация влияния бюджетной реформы полиции для отдельных видов преступлений, описываются исследователями в терминах социальных издержек [Palmer, Phillips, Sullivan 2019].

В то же время в литературе нет исследований, которые бы базировались на анализе интегральных показателей, позволяющих оценить результативность полиции, судов и тюрем с точки зрения ресурсной обеспеченности и отношения к ним населения на межстрановых данных. Это не позволяет провести обобщающий анализ результативности работы системы уголовного правосудия.

Методика исследования

Индикаторы и база данных. Под результативностью органов уголовного правосудия здесь понимается, как и в упомянутом исследовании Волкова и его коллег, ее способность достигать поставленных целей. Оценка данной способности осуществляется с помощью составления и анализа системы индикаторов, характеризующих работу каждого отдельного органа уголовного правосудия.

Эти индикаторы можно разделить на две группы: 1) показатели использования ресурсов, находящихся в распоряжении системы уголовного правосудия; 2) оценки населением работы полиции, судов и тюрем. В зависимости от основной задачи органа уголовного правосудия по некоторым количественным показателям можно судить об эффективности системы уголовного правосудия в стране.

Так, для органов полиции с точки зрения уголовного права основной задачей является пресечение, выявление и раскрытие преступлений [Волков, Григорьев, Дмитриева, Моисеева, Четверикова 2012]. Предположительно о результативности полиции можно судить по количественным характеристикам так называемого официального контакта населения с органами полиции (*formal contact*) – числу обращений в полицию и зарегистрированным происшествиям. О результативности работы судов дает представление анализ числа осужденных (*convicted*), а органов тюремного заключения – число задержанных (*detained*) [Aromaa, Heiskanen 2008]. Для более наглядного межстранового сравнения перечисленные выше показатели в рамках данного исследования нормированы на число полицейских, судей и сотрудников тюрем, соответственно (список показателей приведен в приложении).

В то же время вышеперечисленные показатели не отражают легитимность и качество работы системы уголовного правосудия. Ведь, например, большое число осужденных на одного судью может говорить как о высокой результативности и рациональном расходовании ресурсов судебной системы, так и о работающем “конвейере посадок”, массовых нарушениях прав человека. В связи с этим показатели эффективности использования материальных ресурсов были дополнены оценками населением работы системы уголовного правосудия.

В данной работе системой с высокой результативностью считается не только та, где рационально используются материальные ресурсы, выделенные обществом на контроль преступности, но та, где к тому же население высоко оценивает ее работу. Если же между группами показателей использования материальных ресурсов и оценки работы есть противоречие, например высокая эффективность использования материальных ресурсов сочетается с низкими оценками населения, то такая система не может быть отнесена к числу высокорезультативных.

База данных формировалась нами из трех основных источников:

1. Данные о системе уголовного правосудия, собираемые Управлением ООН по наркотикам и преступности². Эта база содержит временные ряды, описывающие систему уголовного правосудия и уровень преступности в странах-членах ООН. В нее включены данные с 2004 по 2015 г.: показатели, описывающие число официальных контактов с органами уголовного правосудия, число осужденных и задержанных, а также данные по числу занятых в судах, полиции и тюрьмах. Для кластерного анализа используются данные по распространенности отдельных видов преступлений по странам в те же годы.

2. Данные из Global Competitiveness Index³ Всемирного экономического форума содержат сведения, используемые при расчете Индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Наблюдения с 2006 по 2015 г. охватывают 151 страну и включают данные по социально-экономическому положению стран, состоянию их законодательной системы, уровню преступности и субъективной оценке его влияния на предпринимателей. Большинство показателей представлены в виде шкал, принимающих значения от 1 до 7, где 7 – самое положительное проявление рассматриваемого показателя, 1 – самое отрицательное.

3. Глобальный доклад о законе и порядке международной исследовательской организации Gallup⁴. В докладах с 2005 по 2018 г. в виде агрегированного Индекса закона и порядка представлены ответы населения 135 стран на вопросы о доверии местной полиции, чувстве безопасности ночью на улице в районе проживания, а также столкновениях с нападением и ограблением за последний год.

Анализ данных включал в себя два этапа. *Первый* – построение интегрального показателя результативности работы системы уголовного правосудия по данным Управления ООН по наркотикам и преступности с помощью факторного анализа (метод главных компонент) на усредненных данных за 2003–2015 гг. *Второй* – изучение результативности этой системы в контексте с помощью кластерного анализа с использованием широкого круга социально-экономических показателей, извлеченных из двух других международных баз данных. Каковы же полученные результаты анализа?

Интегральный показатель результативности органов уголовного правосудия без учета контекста

Методом главных компонент (МГК) выделено две компоненты, которые объясняют 72% дисперсии (см. табл. 1). Полученный с его помощью итоговый интегральный показатель результативности полиции, судов и тюрем является суммой извлеченных главных компонент, взвешенных с помощью нормированной доли объясненной дисперсии.

Первая компонента наиболее тесно коррелирует с показателями, характеризующими судебную систему, полицию и законодательство, в то время как вторая включает показатели, характеризующие тюремную систему и виктимизацию населения. Так, в первой компоненте с уровнями корреляции выше нуля представлены показатели “загруженности” полиции и судов, независимости судов, уверенности в полицейской системе и совершенства законодательства в отношении защиты действий частных предпринимателей. Показатели “загруженности” тюремной системы, ощущения безопасности и виктимизации населения в отношении ограблений и нападений (Law and Order Index), а также деятельности организованных преступных группировок и преступников в целом, направленной на частных предпринимателей, скоррелированы со второй компонентой на уровне 0,5 и выше. В результате сложения взвешенных главных компонент получено распределение стран по результативности полиции, судов и тюрем (см. рис. 1).

² Stats Testuserstats // UNODC Statistics Online URL: <https://data.unodc.org/?lf=1&lng=ru> (дата обращения: 05.06.17).

³ GCI Dataset // World Economic Forum URL: http://www3.weforum.org/docs/GCR2014-15/GCI_Dataset_2006-07-2014-15.xlsx.

⁴ Global Law and Order Report // Gallup URL: <http://news.gallup.com/reports/214607/gallup-global-law-order-report-2017.aspx>

Таблица 1

Матрица факторных нагрузок для показателя результативности органов уголовного правосудия

Индикатор	Компонента	
	Суды, полиция и законодательство	Тюремная система, виктимизация и ощущение безопасности
Число человек, которые вступили в официальный контакт с полицией на 1 полицейского	0,61	0,24
Число осужденных на 1 судью	0,56	-0,34
Число заключенных на 1 сотрудника тюрьмы	-0,01	-0,54
Индекс закона и порядка Gallup	0,38	0,80
Издержки частных предпринимателей от преступности и насилия	0,29	0,88
Издержки частных предпринимателей от ОПГ	0,46	0,80
Насколько можно полагаться на полицию для соблюдения закона и порядка	0,69	0,63
Лояльность законодательства частным предпринимателям	0,88	0,34
Помощь законодательства частным предпринимателям при разрешении споров	0,88	0,35
Независимость суда от правительства, граждан, фирм	0,79	0,51

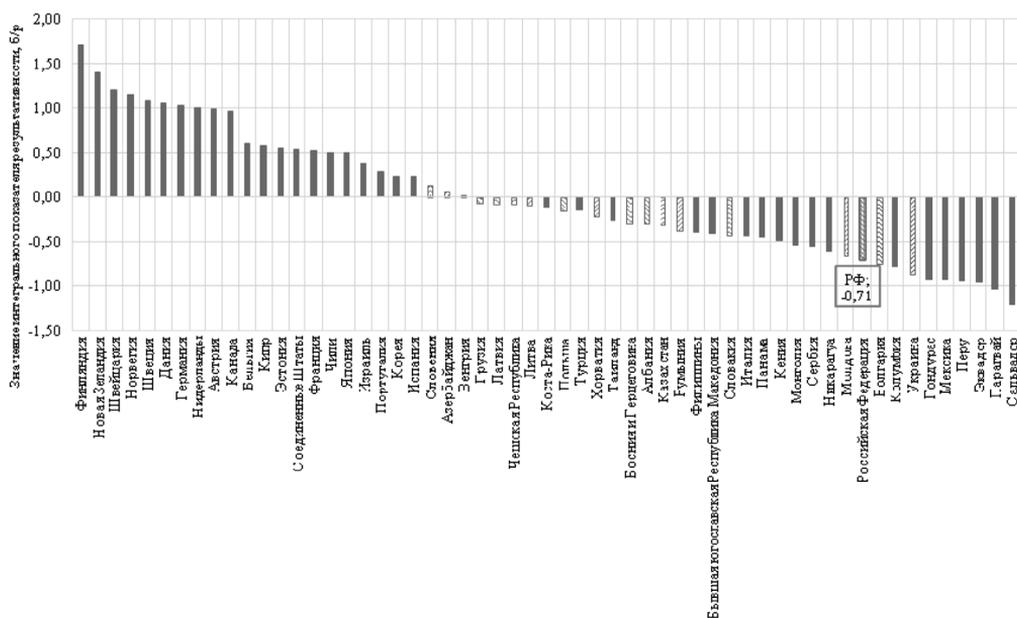

Рис. 1. Распределение стран по величине интегрального показателя результативности полиции, судов и тюрем без учета контекста (заштрихованные столбцы – страны бывшего СССР и Восточной Европы)

Лидерами по уровню результативности системы уголовного правосудия являются такие страны, как Финляндия, Новая Зеландия и Швейцария, в то время как внизу находится ряд стран Латинской Америки – Эквадор, Парагвай и Сальвадор. Среди стран бывшего

Средние значения показателей по кластерам

Группа показателей	Показатель	Типы по результативности			
		Высоко-результативные	Средне-результативные	Низко-результативные, развивающиеся	Низко-результативные, стагнирующие
Интегральный показатель результативности, без размерности (б/р)		0,99	0,12	-0,49	-0,61
Интегральный показатель уровня преступности, б/р		0,87	0,04	-0,58	-0,25
Развитость экономики	Валовой внутренний продукт на душу населения, текущий доллар США	46193,32	19490,60	6251,68	5236,78
	Валовой государственный долг, % от ВВП	79,67	51,91	31,11	37,01
	Баланс государственного бюджета, % от ВВП	-2,01	-2,70	0,01	-3,20
	Валовые национальные сбережения, % от ВВП	23,19	20,09	25,40	15,25
	Ежегодное процентное изменение индекса потребительских цен (в среднем за год), процентные пункты	1,69	3,17	6,33	5,59
	Налоговое бремя, % от прибыли	47,22	39,65	44,14	40,78
	Субъективная оценка населения с состоянием общественной инфраструктуры, б/р	6,08	4,95	3,62	3,26
Коррупцированность экономики, прозрачность законодательства	Фаворитизм государственных чиновников, б/р	4,68	3,14	2,79	2,54
	Защита интеллектуальной собственности, б/р	5,79	4,15	3,05	2,95
	Правовая защита заемщиков и кредиторов, б/р	6,93	6,26	4,37	7,69
	Защита прав собственности, б/р	6,08	4,77	3,84	3,59
	Этические стандарты политиков, б/р	4,45	2,70	2,37	2,18
	Эффективность регулирования и надзора за биржами ценных бумаг, б/р	5,35	4,60	4,05	3,56
	Легкость получения предприятиями информации об изменениях в государственной политике, б/р	5,20	4,18	3,95	3,80
	Эффективность расходования государственного бюджета, б/р	4,10	3,17	3,00	2,77
	Распространенность недокументируемых платежей и взяток, б/р	6,03	4,69	3,59	3,76

СССР и Восточной Европы лучше всех оказались Эстония, Словения и Азербайджан, тогда как самая низкая результативность у России, Болгарии и Украины.

В целом, практически все страны бывшего СССР и Восточной Европы находятся во второй половине списка. Это говорит о том, что пока их система уголовного правосудия заметно отстает от развитых стран. Интересным также представляется высокое место Чили – единственной среди стран Латинской Америки в первой половине списка – между Францией и Японией. США, по полученным данным, занимает относительно невысокое 14-е место, между Эстонией и Францией (ниже Кипра).

Результативность системы уголовного правосудия в социально-экономическом контексте

Мы изучали результативность системы уголовного правосудия в социально-экономическом контексте с помощью кластерного анализа. В качестве метода объединения стран в кластеры применяется метод Варда. В связи с недоступностью данных об уровне преступности по некоторым странам, в итоговой кластеризации участвовали 45 стран, из них 14 – страны бывшего СССР и Восточной Европы (Словения, Венгрия, Чехия, Польша, Хорватия, Азербайджан, Грузия, Албания, Казахстан, Румыния, Словакия, Молдова, Россия, Болгария). В результате применения метода Варда получены 4 кластера стран (см. табл. 2). При этом значения показателей, входящих в индикатор результативности работы системы уголовного правосудия без учета социально-экономического контекста, представлены в таблице 3.

В первом типе (“высокорезультативные”) результативность полиции, судов и тюрем самая высокая. Этот кластер характеризуется развитой некоррупцированной эконо-

Таблица 3

Средние значения интегрального показателя результативности (без учета контекста) по полученным кластерам

Показатель	Типы по результативности			
	Высоко-результативные	Средне-результативные	Низко-результативные, развивающиеся	Низко-результативные, стагнирующие
Интегральный показатель результативности, б/р	0,99	0,12	-0,61	-0,49
В том числе:				
Число вступивших в официальный контакт с полицией на 1 полицейского, чел.	11,90	6,96	1,72	1,89
Число осужденных на 1 судью, чел.	113,18	88,61	40,31	118,37
Число заключенных на 1 сотрудника тюрьмы, чел.	1,49	2,12	4,52	2,48
Индекс закона и порядка Gallup, б/р	81,90	74,08	63,31	68,50
Издержки частных предпринимателей от преступности и насилия, б/р	5,67	5,16	3,83	4,35
Издержки частных предпринимателей от ОПГ, б/р	6,07	5,47	4,14	4,44
Насколько можно полагаться на полицию для соблюдения закона и порядка, б/р	6,03	4,75	3,45	3,73
Лояльность законодательства частным предпринимателям, б/р	4,93	3,37	3,25	2,92
Помощь законодательства частным предпринимателям при разрешении споров, б/р	5,15	3,50	3,27	2,99
Независимость суда от правительства, граждан, фирм, б/р	5,98	4,18	3,13	2,85

микой с большим числом официально зарегистрированных полицией преступлений. Ни одна из стран бывшего СССР и Восточной Европы в него не вошла. Во втором типе сгруппированы страны со средней результативностью и низким уровнем преступности. Их показатели экономического развития не такие высокие, однако экономика стабильна, обеспечивает относительно высокое качество общественной инфраструктуры и т.д. Кроме ряда развитых стран, сюда входят Словения, Венгрия, Чехия, Польша и Хорватия.

Страны третьего типа (“низкорезультативные, развивающиеся”) отличаются крайне низким уровнем результативности и относительно низким уровнем преступности. Экономику стран из данного кластера можно считать развивающейся и высокор腐пированной. В него входят Азербайджан, Грузия, Албания, Казахстан, Румыния и Словакия.

В четвертом типе, к которому относится Россия, Молдова и Болгария, мы видим относительно низкий уровень результативности, число же официально зарегистрированных преступлений тут самое низкое из всех четырех кластеров. Показатели экономического развития свидетельствуют о наличии самого большого бюджетного дефицита (кроме России) из всех типов и наименьшего объема сбережений на национальном уровне. При этом стоит отметить наиболее высокую среди всех кластеров оценку защищенности законодательством игроков на финансовом рынке.

* * *

Подводя итоги, можно высказать следующие соображения. Первый среди полученных типов стран получил у нас название “высокорезультативные”. Страны, входящие в него, характеризуются консистентностью показателей результативности системы уголовного правосудия и социально-экономического развития. В него входят самые развитые страны в обоих смыслах – с точки зрения и работы правосудия, и социально-экономического развития. Второй тип – “среднерезультативные” – также включает в себя страны, у которых эти две группы индикаторов консистентны, но на более низком уровне.

К третьему типу – “низкорезультативные, развивающиеся” – относятся страны с самыми низкими показателями результативности работы системы уголовного правосудия. Хотя у них также самое низкое значение ВВП на душу населения, однако при этом относительно неплохо обстоит дело с независимостью суда, валовыми национальными сбережениями, защитой прав собственности и этическими стандартами политиков. Совокупность этих характеристик позволила их отнести к группе бедных, но развивающихся стран.

В отличие от предыдущей группы, в четвертый тип входят “низкорезультативные, стагнирующие” страны. Они, хотя и более богатые, чем предыдущие, но имеют самый низкий объем сбережений по сравнению с остальными типами. В них хуже всего обстоит дело с независимостью суда и в то же время самое большое число осужденных на одного судью. Скорее всего, это говорит о существовании “конвейера посадок”.

Рассматриваемые в рамках данного анализа страны бывшего СССР и Восточной Европы распределились по второму, третьему и четвертому типам следующим образом: во второй вошли Словения, Венгрия, Чехия, Польша, Хорватия, в третий – Азербайджан, Грузия, Албания, Казахстан, Румыния и Словакия, в четвертый – Молдова, РФ и Болгария. Таким образом, с момента распада коммунистической системы качественно различалось не только социально-экономическое развитие посткоммунистических стран, но и развитие их правоохранительных систем. Страны, оказавшиеся в рамках данной работы во втором типе, трансформировались в среднеразвитые, где правоохранительная система удовлетворительно выполняет свои функции, обеспечивает регистрацию значительной части преступлений и более или менее адекватное наказание за их совершение. Этому состоянию также соответствует относительно высокая защищенность прав собственности в сфере экономики.

Другая группа посткоммунистических стран попала в третий тип, где результативность системы уголовного правосудия самая низкая, а экономика, имеющая развивающийся характер, в значительной степени теневая, она функционирует в условиях высокого уровня

коррупции и фаворитизма. В то же время уровень официально зарегистрированной преступности в этих странах не самый низкий, что, вероятно, говорит о наличии некоторого позитивного влияния экономики и политической системы на правоохранительные органы, связанного с наказанием за уголовные преступления.

Представители четвертого типа, в который входит и Россия, образовали группу стран, где результативность правоохранительной системы невысока, уровень зарегистрированной преступности самый низкий (а латентной преступности, предположительно, высок), а экономическая система находится в стагнирующем или рецессивном состоянии. Относительно надежно защищены только права игроков на финансовых рынках, в целом же права собственности защищены очень плохо. По-видимому, в данных странах экономика и политическая система не оказывают существенного положительного влияния на правоохранительную систему. Тут нет контроля над обеспечением прав собственности, соблюдением условий контрактов и неотвратимостью наказания за преступления.

Интересным представляется расхождение в ситуации ряда стран, возникшее в результате двух процедур, – построения индекса результативности системы уголовного правосудия и кластеризации стран по показателям результативности и уровню социально-экономического развития. Например, по показателям результативности работы системы уголовного правосудия (число заключенных на одного работника системы исполнения наказаний и т.п.) Азербайджан занимает одно из самых высоких мест среди стран бывшего СССР и Восточной Европы – выше Венгрии, Чехии и Латвии. Однако добавление широкого набора социально-экономических показателей приводит к тому, что Азербайджан попадает в третий тип (“низкорезультативные, развивающиеся”), тогда как ряд вышеперечисленных стран входят во второй тип с весьма высокими значениями индикаторов.

Объединенные в один тип страны могут обладать схожими средними значениями переменных по многим критериям классификации, однако по некоторым показателям значения могут существенно различаться. Так, в данном случае в ряде типов среднее значение по интегральному показателю результативности существенно отличается от большинства остальных показателей. Это говорит о наличии тесной взаимосвязи показателей работы системы уголовного правосудия с социально-экономическим развитием страны, с тем, как работает политическая и экономическая система. Значит, при анализе работы правовой системы необходимо учитывать тот социально-экономический контекст, в который она вписана. Без этого невозможно понять ее реальные проблемы и разработать адекватные пути ее реформирования. Именно для выявления таких взаимосвязей и нужен социологический анализ.

Полученные результаты дают возможность сформулировать задачи проведения дальнейших исследований. Построение интегрального показателя результативности в социально-экономическом контексте позволяет использовать “продвинутые” методы анализа для изучения причинно-следственных связей работы правовой системы с экономикой, политикой и другими институтами. Это потребует как углубления теоретической работы, так и развития методологии исследования, привлечения дополнительных данных для более полного и адекватного описания изучаемых связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айвазян С.А., Степанов В., Козлова М. (2006) Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Саратовской области и ее муниципальных образований) // Прикладная эконометрика. Т. 2. С. 18–84.

Вебер М. (2018) Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Право сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом ВШЭ.

Волков В.В., Григорьев И.С., Дмитриева А.В., Моисеева Е.Н., Четверикова И.В. (2012) Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. СПб.: ИПП ЕУ.

- Дюркгейм Э. (1991) О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука.
- Крыштановский А.О. (2005) "Кластеры на факторах" – об одном распространенном заблуждении // Социология: методология, методы, математическое моделирование. М.: Институт социологии РАН. № 21. С. 172–187.
- Маркс К. (2001) Капитал. Т. 1. М.: АСТ.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат. С. 7–544.
- Мхитарян В.С., Архипова М.Ю., Сиротин В.П. (2008) Эконометрика: учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ.
- Фуко М. (1999) Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem.
- Alford C.F. (2000) What Would It Matter if Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? Discipline and Punish after Twenty Years. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. No. 29. Pp. 125–146.
- Aromaa K., Heiskanen M. (2008) Trends of Recorded Crime // Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004. Helsinki: Hakapaino Oy. Pp. 53–69.
- Beattie J.M. (1986) Crime and the Courts in England, 1660–1800. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Chamlin M., Myer A. (2009) Disentangling the Crime-arrest Relationship: The Influence of Social Context // Journal of Quantitative Criminology. Vol. 25. No. 4. Pp. 371–389.
- Dijk J. (2008) The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development Across the World. London: SAGE Publications, Inc.
- Dirkzwager A., Kruttschnitt C. (2012) Prisoners' Perceptions of Correctional Officers' Behavior in English and Dutch Prisons // Journal of Criminal Justice. No. 40. Pp. 404–412.
- Garland D. (1990) Punishment and Modern Society. Chicago: University of Chicago Press.
- Gruszczynska B., Marshall I.H. (2008) Trends in Criminal Justice System Resources 1995–2004 // Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004 / Aromaa K., Heiskanen M. Helsinki: Hakapaino Oy. Pp. 9–5.
- Hashimoto E.J. (2011) Class Matters // Journal of Criminal Law & Criminology. Vol. 101. No. 1. Pp. 31–76.
- Hickman M., Rice S. (2010) Digital Analysis of Crime Statistics: Does Crime Conform to Benford's Law? // Journal of Quantitative Criminology. Vol. 26. No. 3. Pp. 333–349.
- Lauritsen J. (2010) Advances and Challenges in Empirical Studies of Victimization. // Journal of Quantitative Criminology. Vol. 26. No. 4. Pp. 501–508.
- Law J., Quick M., Chan P. (2014) Bayesian Spatio-Temporal Modeling for Analysing Local Patterns of Crime Over Time at the Small-Area Level // Journal of Quantitative Criminology. Vol. 30. No. 1. Pp. 57–78.
- Lind E.A., Tyler T.R. (1988) The Social Psychology of Procedural Justice. New York: Plenum.
- McDowall D., Loftin C. (2009) Do US City Crime Rates Follow a National Trend? The Influence of Nationwide Conditions on Local Crime Patterns // Journal of Quantitative Criminology. Vol. 25. No. 3. Pp. 307–324.
- Meloni O. (2014) Does Poverty Relief Spending Reduce Crime? Evidence from Argentina // International Review of Law & Economics. No. 39. Pp. 28–38.
- Melossi D., Pavarini M. (1981) The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System. London: MacMillan.
- Miles T.J., Cox A.B. (2014) Does Immigration Enforcement Reduce Crime? Evidence from Secure Communities // Journal of Law & Economics. Vol. 57. No. 4. Pp. 937–973.
- Murphy K., Hinds L., Fleming, J. (2008) Encouraging Public Cooperation and Support for Police // Policing and Society: An International Journal of Research and Policy. Vol. 18. No. 2. Pp. 136–155.
- Nelken D. (2010) Comparative Criminal Justice: Making Sense of Difference. London: SAGE Publications Ltd.
- Palmer C., Phillips D.C., Sullivan J.X. (2019) Does Emergency Financial Assistance Reduce Crime? // Journal of Public Economics. Vol. 169. Pp. 34–51.
- Reisig M.D., Bratton J., Gertz M.G. (2007) The Construct Validity and Refinement of Process-Based Policing Measures // Criminal Justice and Behavior. Vol. 8. No. 34. Pp. 1005–1028.
- Rusche G., Kirchheimer O. (1939) Punishment and Social Structure. New York: Columbia Univ. Press.
- Selznick Ph. (2003) 'Law in Context' Revisited // Journal of Law and Society. Vol. 30. No. 2. Pp. 177–186.
- Smith A. (1978) Lectures on Jurisprudence. New York: Oxford Univ. Press.
- Smit P. (2008) Prosecution and Courts // Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004 / Aromaa K., Heiskanen M. Helsinki: Hakapaino Oy. Pp. 94–117.
- Smit P., Harrendorf S. (2010) Responses of the Criminal Justice System // International Statistics on Crime and Justice / Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. Helsinki: HEUNI, Pp. 87–112.

Sunshine J., Tyler T.R. (2003) The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing // *Law and Society Review*. Vol. 3. No. 37. Pp. 555–589.

Tonry M. (2015) Is Cross-National and Comparative Research on the Criminal Justice System Useful? // *European Journal of Criminology*. Vol. 4. No. 12. Pp. 505–516.

Trubek D.M. (2006) The “Rule of Law” in Development Assistance: Past, Present, and Future // Trubek D.M., Santos A. (eds). *The New Law and Economic Development: a Critical Appraisal*. New York: Cambridge Univ. Press. Pp. 74–94.

Trubek D.M., Santos A. (2006) Introduction: The Third Moment in Law and Development Theory and the Emergence of a New Critical Practice // Trubek D.M., Santos A. (eds). *The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal*. New York, Cambridge Univ. Press. Pp. 1–18.

Twining W. (1997) *Law in Context: Enlarging a Discipline*. New York: Oxford Univ. Press.

Tyler T.R. (2003) Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice – A Review of Research* / Tonry M. (Ed.) Chicago: University of Chicago Press. Pp. 283–357.

Tyler T.R., Lind E.A. (2001) Procedural Justice // *Handbook of Justice Research in Law* / Sanders J., Hamilton V.L. (Ed.). New York: Plenum. Pp. 65–92.

Yong-Shik L. (2017) General Theory of Law and Development, *Cornell International Law Journal*. Vol. 50. No. 3. Pp. 415–472.

The Performance of the criminal justice system in the countries of the former USSR and Eastern Europe: comparative analysis

L.Y. KOSALS*

T.A. BAZHENOVA**

***Kosals Leonid** – Dr. of science (economics), professor of the Faculty of Social Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya ulitsa, Moscow, 101000, Russian Federation, and Adjunct Professor at the Centre for Criminology and Sociological Studies, University of Toronto. Address: 14 Queen’s Park Crescent West, Toronto, ON M5S 3K9, Canada. E-mail: lkosals@hse.ru

****Bazhenova Taisiya** – post-graduate student of the Faculty of Social Sciences of the National Research University Higher School of Economics, intern-researcher at the Centre for Studies of Income and Living Standards, National Research University Higher School of Economics. Address: 101000, Moscow Myasnitskaya, 20. E-mail: tbazhenova@hse.ru

Abstract

The article presents the results of a cross-country comparative analysis of the performance of the police, courts and prisons in the countries of the former USSR and Eastern Europe. The criminal justice system is analyzed in the context of socio-economic development. The authors used a number of international datasets to build a typology of 57 countries, where 18 are countries of the former USSR and Eastern Europe. The typology includes four types of countries with significantly different levels of performance of criminal justice systems, crime and the degree of socio-economic development.

Keywords: law and socio-economic development, performance of the criminal justice system, police, courts, prisons.

REFERENCES

Alford C.F. (2000) What Would It Matter if Everything Foucault Said about Prison Were Wrong? Discipline and Punish after Twenty Years. Dordrecht: *Kluwer Academic Publishers*, no. 29, pp. 125–146.

Aromaa K., Heiskanen M. (2008) Trends of Recorded Crime. *Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004*. Helsinki: Hakapaino Oy, pp. 59–63.

Ayvazyan S.A., Stepanov V., Kozlova M. (2006) Izmereniye sinteticheskikh kategoriy kachestva zhizni naseleniya regiona i vliyavniye klyuchevykh napravleniy sovershenstvovaniya sotsial'no-ekonomicheskoy politiki (na primere Saratovskoy oblasti i yeyo munitsipal'nykh obrazovaniy). [Measurement of synthetic categories of quality of life of the population of the region and identification of key areas for improving the socio-economic policy (based on example of the Saratov region and its municipalities)]. *Prikladnaya ekonometrika*. vol. 2. pp. 18–84.

- Beattie J.M. (1986) *Crime and the Courts in England, 1660–1800*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Chamlin M., Myer A. (2009) Disentangling the Crime-arrest Relationship: The Influence of Social Context. *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 25, no. 4, pp. 371–389.
- Dijk J. (2008) *The World of Crime: Breaking the Silence on Problems of Security, Justice and Development Across the World*. London: SAGE Publications, Inc.
- Dirkzwager A., Kruttschnitt C. (2012) Prisoners' Perceptions of Correctional Officers' Behavior in English and Dutch Prisons. *Journal of Criminal Justice*, no. 40, pp. 404–412.
- Durkheim E. (1991) *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sociologii* [On the Division of Social Labor. Method of Sociology]. Moscow: Nauka.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie turmy* [Oversee and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem.
- Garland D. (1990) *Punishment and Modern Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Gruszczynska B., Marshall I.H. (2008) Trends in Criminal Justice System Resources 1995–2004. *Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004*. Aromaa K., Heiskanen M. (eds.). Helsinki: Hakapaino Oy, pp. 9–51.
- Hashimoto E.J. (2011) Class Matters. *Journal of Criminal Law & Criminology*, vol. 101, no. 1, pp. 31–76.
- Hickman M., Rice S. (2010) Digital Analysis of Crime Statistics: Does Crime Conform to Benford's Law? *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 26, no. 3, pp. 333–349.
- Kryshatanovskiy A.O. (2005) "Klastery na faktorakh" – ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii ["Clusters on factors" – about one common misconception]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye*. Moscow: Institute of Sociology of RAS, no. 21, pp. 172–187.
- Lauritsen J. (2010) Advances and Challenges in Empirical Studies of Victimization. *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 26, no. 4, pp. 501–508.
- Law J., Quick M., Chan P. (2014) Bayesian Spatio-Temporal Modeling for Analysing Local Patterns of Crime Over Time at the Small-Area Level. *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 30, no. 1, pp. 57–78.
- Lind E.A., Tyler T.R. (1988) *The Social Psychology of Procedural Justice*. New York: Plenum.
- Marx K. (2001) *Capital* [Capital], vol. 1. Moscow: AST.
- Marx K., Engels F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Writings]. Moscow, Gospolitizdat, vol. 3, pp. 7–544.
- McDowall D., Loftin C. (2009) Do US City Crime Rates Follow a National Trend? The Influence of Nationwide Conditions on Local Crime Patterns. *Journal of Quantitative Criminology*, vol. 25, no. 3, pp. 307–324.
- Meloni O. (2014) Does Poverty Relief Spending Reduce Crime? Evidence from Argentina. *International Review of Law & Economics*, no. 39, pp. 28–38.
- Melossi D., Pavarini M. (1981) *The Prison and the Factory: Origins of the Penitentiary System*. London: MacMillan.
- Miles T.J., Cox A.B. (2014) Does Immigration Enforcement Reduce Crime? Evidence from Secure Communities. *Journal of Law & Economics*, vol. 57, no. 4, pp. 937–973.
- Mkhitarayan V.S., Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P. (2008) *Ekonometrika: uchebno-metodicheskiy kompleks* [Econometrics: an educational complex.] Moscow: Ed. Center EAOI.
- Murphy K., Hinds L., Fleming J. (2008) Encouraging Public Cooperation and Support for Police. *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*, vol. 18, no. 2, pp. 136–155.
- Nelken D. (2010) *Comparative Criminal Justice: Making Sense of Difference*. London: SAGE Publications Ltd.
- Palmer C., Phillips D.C., Sullivan J.X. (2019) Does Emergency Financial Assistance Reduce Crime? *Journal of Public Economics*, vol. 169, pp. 34–51.
- Reisig M.D., Bratton J., Gertz M.G. (2007) The Construct Validity and Refinement of Process-Based Policing Measures. *Criminal Justice and Behavior*, vol. 8, no. 34, pp. 1005–1028.
- Rusche G., Kirchheimer O. (1939) *Punishment and Social Structure*. New York: Columbia Univ. Press.
- Selznick Ph. (2003) 'Law in Context' Revisited. *Journal of Law and Society*, vol. 30, no. 2, pp. 177–186.
- Smit P. (2008) Prosecution and Courts. *Crime and Criminal Justice Systems in Europe and North America 1995–2004*. Aromaa K., Heiskanen M. (eds.). Helsinki: Hakapaino Oy, pp. 94–117.
- Smit P., Harrendorf S. (2010) Responses of the Criminal Justice System. *International Statistics on Crime and Justice*. Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (eds.). Helsinki: HEUNI, pp. 87–112.
- Smith A. (1978) *Lectures on Jurisprudence*. New York: Oxford Univ. Press.
- Sunshine J., Tyler T.R. (2003) The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing. *Law and Society Review*, vol. 3, no. 37, pp. 555–589.

Tonry M. (2015) Is Cross-National and Comparative Research on the Criminal Justice System Useful? *European Journal of Criminology*, vol. 4, no. 12, pp. 505–516.

Trubek D.M. (2006) The “Rule of Law” in Development Assistance: Past, Present, and Future. Trubek D.M., Santos A. (eds). *The New Law and Economic Development: a Critical Appraisal*. New York: Cambridge Univ. Press, pp. 74–94.

Trubek D.M., Santos A. (2006) Introduction: The Third Moment in Law and Development Theory and the Emergence of a New Critical Practice. Trubek D.M., Santos A. (eds). *The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal*. New York, Cambridge Univ. Press, pp. 1–18.

Twining W. (1997) *Law in Context: Enlarging a Discipline*. New York: Oxford Univ. Press.

Tyler T.R. (2003) Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law. *Crime and Justice – A Review of Research*. Tonry M. (ed.) Chicago: University of Chicago Press, pp. 283–357.

Tyler T.R., Lind E.A. (2001) Procedural Justice. *Handbook of Justice Research in Law*. Sanders J., Hamilton V.L. (eds.) New York: Plenum, pp. 65–92.

Volkov V.V., Grigoriev I.S., Dmitrieva A.V., Moiseeva E.N., Chetverikova I.V. (2012) *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovaniye, puti reformirovaniya* [Law enforcement in Russia: structure, functioning, ways of reforming]. St. Petersburg: IPPU.

Weber M. (2018) *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimaushchey sociologii. Pravo/sost., red. i predislovie L.G. Ionin*. [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. Right Status, total. ed. and foreword L.G. Ionina]. Moscow: Izd. dom HSE.

Yong-Shik L. (2017) General Theory of Law and Development. *Cornell International Law Journal*, vol. 50, no. 3, pp. 415–472.

Приложение

Список показателей для изучения результативности системы уголовного правосудия

1. Число людей, которые вступили в официальный контакт с полицией на 1 полицейского, чел.
2. Число осужденных на 1 судью, чел.
3. Число заключенных на 1 сотрудника тюрьмы, чел.
4. Индекс закона и порядка Гэллап, б/р
5. Издержки частных предпринимателей от преступности и насилия, б/р
6. Издержки частных предпринимателей от ОПГ, б/р
7. Насколько можно полагаться на полицию для соблюдения закона и порядка, б/р
8. Лояльность законодательства частным предпринимателям, б/р
9. Помощь законодательства частным предпринимателям при разрешении споров, б/р
10. Независимость суда от правительства, граждан, фирм, б/р
11. Интегральный показатель уровня преступности
12. Валовой внутренний продукт на душу населения, текущий доллар США
13. Валовой государственный долг, % от ВВП
14. Баланс государственного бюджета, % от ВВП
15. Валовые национальные сбережения, % от ВВП
16. Ежегодное процентное изменение индекса потребительских цен (в среднем за год), п.п.
17. Налоговое бремя, % от прибыли
18. Субъективная оценка населением состояния общественной инфраструктуры, б/р
19. Фаворитизм государственных чиновников, б/р
20. Защита интеллектуальной собственности, б/р
21. Правовая защита заемщиков и кредиторов, б/р
22. Защита прав собственности, б/р
23. Этические стандарты политиков, б/р
24. Эффективность регулирования и надзора за биржами ценных бумаг, б/р
25. Легкость получения предприятиями информации об изменениях в государственной политике, б/р
26. Эффективность расходования государственного бюджета, б/р
27. Распространенность недокументируемых платежей и взяток, б/р